

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Александр Борисович Лисюткин*

К вопросу о природе легитимности в юридической науке и практике

Постсоветский этап развития юридической науки и практики отличается неоднородными тенденциями. Одна из них выражается в широком заимствовании теоретико-эмпирических конструкций и термино-лексических знаков из зарубежных правовых систем. В частности, речь идет о термине «легитимность». Сказать, что данный феномен не был известен отечественной правовой мысли, значит пойти против истины. Он хорошо знаком политологам, историкам, экономистам, но в юриспруденции его применение было ограниченным, незначительным.

Однако в последние годы в литературе довольно часто «легитимность» и «законность» используются как равнозначные термино-лексические знаки. С точки зрения методологии и практики такой подход нельзя назвать правильным и обоснованным. Несмотря на их семантическую близость, они обладают качественными и количественными различиями, которые позволяют рассматривать их как самостоятельные политико-правовые явления. Кроме того, следует подчеркнуть, что понятия «законность» и «легитимность» принадлежат к разным европейским правовым школам и, следовательно, обладают самостоятельными традициями¹.

Легитимность — это более емкая, многозначная и менее формализованная, по сравнению с законностью, конструкция. Широкое распространение она получила в англосаксонской правовой семье, где прецедентное право является определяющим основанием формирования всей юридической науки и практики. Англосаксонская правовая традиция отличается от континентальной правовой семьи широкими возможностями усмотрения в юридически значимой деятельности уполномоченных субъектов права. Принцип усмотрения всегда присутствует там, где большое значение придается не форме и содержанию, а фактическим действиям, которые требуют своего узаконивания. Это процесс достаточно сложный, стадийный и поэтому нуждающийся в соответствующих понятийных и юридических концепциях.

* Профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: al.lisyutkin2010@yandex.ru.

¹ Более подробно об этом см.: *Виноградов П. Г.* Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М., 2010. С. 142–164, 233–246.

Отечественная правовая система развивалась на традициях и началах романо-германской правовой семьи. Особенность континентальной юридической науки и практики состояла в догматизации научного аппарата и системной юридической формализации путем издания нормативных правовых актов. Для этой концепции были чужды объемные многозначные и относительно-определенные правовые модели. Именно законность выступала одной из формализованных теоретико-эмпирических конструкций. Однако с разрушением Советского Союза в российское право стали активно внедряться англицизмы.

На волне рационализации социально-экономических связей новая бюрократическая элита, в условиях приватизации государственной собственности, стала отказываться от идеи законности. Кроме того, строгие формализованные юридические конструкции не всегда позволяют дать однозначную правовую оценку событиям, имевшим место на постсоветском пространстве. Поэтому для обоснования новой элитой своих действий и узаконивания частной собственности стали вводиться в практический оборот новые, более универсальные и многозначные политико-правовые конструкции, к которым относится легитимность.

Между тем еще одной не менее значимой причиной использования концепции легитимности выступает негативное отношение большей части российского общества к событиям в стране после разрушения Советского Союза. Объектом критики выступает и Конституция. Об этом пишет В. О. Лучин: «В этом смысле Конституция Российской Федерации 1993 года, закрепившая волю ее создателей, но отнюдь не большинства народа, несет в себе внутренние противоречия и предпосылки собственного неприятия и даже отчуждения. Она не обеспечивает единства интересов и целей основных участников конституционного процесса»¹.

Поэтому вопрос легитимности — это не надуманная проблема. Она обусловлена характером событий, которые предшествовали принятию самой конституции и легализации общественного строя в Российской Федерации. Следовательно, проблема выяснения природы легитимности имеет принципиальное значение для современной российской государственности, т. к. выведение из научного и практического оборота концепции законности требует разработки новой концепции стабилизации социально-экономических связей. Именно таким критерием, по убеждению современной бюрократической элиты может выступать легитимность.

Непризнание народом как единственным источником власти законности действий политического режима в период президентства Б. Н. Ельцина ставит под сомнение законность сложившегося социально-экономического строя в Российской Федерации. Острота рассматриваемой темы усугубляется разрушением традиционных ценностей коренных народов России. В своем единстве отмеченные факторы стимулирует неустойчивость политической и правовой систем страны, нигилизм основной части населения Российской Федерации и негативное отношение к основным институтам власти и государственному аппарату. В сложившихся условиях внедрение концепции легитимности является необходимым условием развития отечественной политической и правовой систем.

В юриспруденции легитимность как самостоятельное политико-правовое явление не имеет однозначного и комплексного обоснования. На разрешение поставленной проблемы негативно влияет и отсутствие в действующем законодательстве положений, фиксирующих природу легитимности. Ситуация

¹ Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблема реализации. М., 2002. С. 61.

усугубляется отождествлением легитимности с такими явлениями, как законность и легализация¹. Отмеченные факторы ставят перед общей теорией государства и права задачу выяснения природы легитимности.

Сложность решения поставленной задачи усиливается тем, что законность, легализация и легитимация происходят от одного и того же термина — «законный»² и обозначают процесс. Общность смысловой интерпретации позволяет относить их к единой термино-лексической группе, но не семантической, как это делает А. В. Семенов. Данный вывод основан на особенностях истории становления и формализации этих явлений, на что и обращает внимание А. В. Семенов³. Они составляют единый понятийный и функциональный ряд.

На наш взгляд, перечисленные конструкции обладают единой политической природой. Они отражают и выражают особенности конституционного строя и политического режима. Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемые конструкции являются производными от государства феноменами, т. е. выступают следствием развития общей закономерности — взаимосвязи государства и права. Однако степень зависимости законности, легализации и легитимности от природы власти определяется их функциональными особенностями, фиксирующими их назначение в юридической науке и практике.

Вместе с тем законность, легализация и легитимность обладают количественными и качественными особенностями, которые и способствуют проведению их сравнительного анализа. В частности, базовые источники анализируемых понятий имеют существенное различие. В основе образования легализации и легитимности находится материальный источник — это юридически и политически значимая деятельность субъектов властных отношений. Объективация законности осуществляется путем формально-юридических или формально-научных источников. Этим можно объяснить активное использование терминов «легализация» и «легитимность» в политологии, истории и политической экономии, а термина «законность» — в юридических отраслях знания.

Законность, легализация и легитимность представляют собой не статические, а динамические образования. Они характеризуют процесс движения государственно-организованного общества к конкретным целям. Например, законность является формой выражения стремления общества и государства к демократии, легализация — внедрение власти и закона в повседневную действительность, а легитимность — претворяет в жизнь на формальных основаниях обоснованность и правомерность власти и права.

В связи с этим возникает вопрос о правомерности легализации власти и права. В частности, В. Е. Чиркин указывает на юридическую правомерность⁴. К сожалению, критериев обоснования своей позиции ученый не приводит. Между тем международная и внутригосударственная практика свидетельствует

¹ См., напр.: *Чиркин В. Е.* Государствоведение : учебник. М., 1999. С. 89–92; *Его же.* Современное государство. М., 2001. С. 118–125.

² См.: *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. 2-е изд., стереотип. М., 2001. Т. 1. С. 494, 775; *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 208, 321; *Словарь иностранных слов.* 4-е изд., стереотип / отв. ред. В. В. Буцквца, Н. Н. Семенова. М., 2007. С. 368–369; *Шушков А. А.* Толково-понятийный словарь русского языка. М., 2008. С. 227–230.

³ См.: *Семенов А. В.* Нормы российского конституционного права : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 62.

⁴ См.: *Чиркин В. Е.* Указ. соч. С. 87.

о легализации власти и права через противоправные действия участников политико-правовых отношений, т. е. они могут и не соответствовать требованиям законности. В этом случае легитимация достигается за счет легализации, например, режим Ельцина и конституция 1993 г., события на Украине.

Приведенные примеры подчеркивают доминирование материального аспекта в природе легализации и легитимации власти и права. В данном случае легализация и легитимация обеспечиваются путем применения, в первую очередь, материального, политического и идеологического ресурсов. На наш взгляд, именно эти факторы послужили основанием для высказывания В. О. Лучина о природе Конституции 1993 г. Приведенные обстоятельства позволяют утверждать, что легализация и легитимация в большей мере, чем законность, обладают политической природой. Они служат главными инструментами признания и подтверждения полномочий государственного аппарата по осуществлению своих функций.

Возникает резонный вопрос: что связывает легализацию, легитимность и законность как теоретико-эмпирические конструкции? Помимо единой политической природы есть еще несколько условий, составляющих их взаимозависимость и взаимообусловленность. Одним из таких начал выступает принцип целесообразности. Он в наибольшей мере отражает политико-идеологическую конъюнктуру использования легализации, легитимности и законности. Именно целесообразность определяет степень вероятности применения тех или иных методов решения стоящих перед обществом задач. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в переходные этапы развития российской государственности.

Целесообразность, являясь элементом содержания законности, тем не менее, фиксирует динамическую основу рассматриваемых явлений. Для легализации и легитимности такими аспектами выступают политика, идеология и экономические интересы, а для законности — действующие нормативные правовые акты, которые фиксируют процесс движения к состоянию правомерности. Вместе с тем главным условием действия законности, легализации и легитимности является эффективная власть. В условиях глобализации — это не только государственная, но и финансовая власть.

Наличие сильной власти служит материальным источником предупреждения хаоса в обществе. Вместе с тем следует признать, что законность, легализация и легитимность власти и права могут быть оспорены субъектами политической системы. Принцип оспоримости свидетельствует о том, что законность, легализация и легитимность принадлежат к оценочным явлениям политико-правовой действительности и по своей природе относительны. Степень относительности определяется состоянием законности и правопорядка в стране, уровнем доверия населения к институтам власти и другими качествами.

Несмотря на отмеченные свойства легализации и легитимности, тем не менее они нуждаются в формально-юридических критериях их использования на практике. Таким критерием выступает законность, которая аккумулирует правовые требования соблюдения необходимых предписаний, регламентирующих социально-экономические связи. Поэтому устойчивость власти определяется не только ее легализацией, но и легитимностью изданных ею нормативных правовых актов. В этом случае законность выступает средством фиксации легализации и легитимности власти и права.

Отмеченные функциональные возможности законности достигаются за счет системы требований, которые предъявляются к участникам социально-экономических отношений. Эффективность реализации притязаний власти

на соблюдение юридических предписаний тем выше, чем больше степень доверия общества к институтам государства. В этом состоит рационализм законности, легализации и легитимности в системе ценностных установок государственно организованного общества. Поэтому без авторитета власти реальные связи менее устойчивы и относительно упорядочены.

В связи с этим принципиальное значение приобретает проблема сферы использования законности, легализации и легитимности. Законность активно употребляется в юриспруденции, где она аккумулирует формально-юридические и целевые установки. Легализация и легитимность — это продукт материальных источников, т. е. действия уполномоченных субъектов политико-правовых отношений. Поэтому они выражают особенности работы государства и служат главными факторами становления и функционирования государственной власти.

Вместе с тем следует отметить, что легализация и легитимность, обладая единой политической природой, имеют количественные и качественные различия. Они проявляются в том, что легитимность, в отличие от легализации, фиксирует единство материальной и формальной сторон признания государства и права легитимными. Материальность легитимности власти и права достигается за счет легализации, а правомерность результатов действия власти и права обеспечивается посредством требования соблюдения издаваемых юридических предписаний. Следовательно, легитимность охватывает как легальность действия власти и права, так и их формальные основания функционирования — законность.

С учетом изложенного можно утверждать, что легитимность по объему своего содержания — более емкая конструкция, чем законность и легализация. Последние могут рассматриваться в качестве элементов структуры легитимности. Легализация в характеристике легитимности представляет материальную сторону процесса признания власти и права в качестве инструментов государственной политики, а законность — представляет формальные качества легитимности, опосредованные системой требований по соблюдению действующего в стране законодательства.

Природа легализации состоит в фактическом внедрении власти и права в жизнь общества в качестве самостоятельных его атрибутов, обеспечивающих его функционирование. Включение власти и права в систему социально-экономических связей осуществляется в форме действующих государственного аппарата и системы законодательства. Легализация — процесс объективации (материализации) власти и права, а законность — процесс, обеспечивающий правомерность функционирования власти и права.

Таким образом, можно поддержать позицию молодого саратовского ученого-конституционалиста А. В. Семенова, предложившего наиболее адекватную модель легитимности посредством простой арифметической формулы: $\text{легитимность} = \text{легальность} + \text{законность}$ ¹. Иначе говоря, легитимность представляет собой единство материального и формального процессов приобретения суверенности государственной власти и законности, издаваемых ею норм права как всеобщей меры оценки правомерности.

Пристатейный библиографический список

1. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со шведск. / Э. Аннерс. — М. : Наука, 1996. — 395 с.

2. Виноградов, П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П. Г. Виноградов. — М. : Зерцало, 2010. — 288 с.

¹ См.: Семенов А. В. Указ. соч. С. 62–68.

3. Ллойд, Д. Идея права / Д. Ллойд; пер. с англ. М. А. Юмашева, Ю. М. Юмашева. — М. : ЮГОНА, 2002. — 416 с.

4. Хайек, Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева. — М. : ИРИСЭН, 2006. — 644 с.

5. Чиркин, В. Е. Современное государство / В. Е. Чиркин. — М. : Международные отношения, 2001. — 416 с.

References

1. Anners, Je. Istorija evropejskogo prava [History of European Law]: translated from Swedish / Je. Anners. — М.: Nauka, 1996. — 395 p.

2. Chirkin, V. E. Sovremennoe gosudarstvo [Modern State] / V. E. Chirkin. — М.: International Relation, 2001. — 416 p.

3. Hajek, F. A. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nyh principov spravedlivosti i politiki [Law, Legislation and Liberty: Modern View on Liberal Principles of Justice and Politics] / Hajek, F. A. translated from English by B. Pinsker and A. Kustarev. — М.: IRISJeN, 2006. — 644 p.

4. Llojd, D. Ideja prava [The Idea of Law] / D. Llojd; translated from English by M. A. Jumashhev, Ju. M. Jumashhev. — М.: JuGONA, 2002. — 416 p.

5. Vinogradov, P. G. Oчерki po teorii prava. Rimskoe pravo v srednevekovoj Evrope [Studies in the Theory of Law. Roman Law in Medieval Europe] / P. G. Vinogradov. — М.: Zercalo, 2010. — 288 p.